

Угольный призрак

Молодая женщина зашла в кафе на Таганской площади и остановилась, окинув взглядом зал. На ней было темно-синее пальто с поясом, юбка до щиколоток и изящные шнурованные ботинки на низком каблуке. Волосы под маленькой шляпкой были аккуратно подстрижены на американский манер. Она перекинулась парой слов с подошедшим официантом и легкой, но решительной походкой пошла за ним. При ее приближении Фёдор поднялся из-за столика и вежливо поклонился.

— Добрый день, — женщина протянула руку. — Анна Петровна Герц, «Московские ведомости».

— Фёдор Алексеевич Кузнецов, — ответил он, пожимая руку. — Рад знакомству.

— Спасибо, что согласились на интервью. Нашим читателям очень интересно будет узнать про обычную жизнь необычных людей или необычных мест. У вас сколько есть времени? — спросила она, открывая блокнот.

— Чуть больше часа, а потом мне нужно будет пойти на угольные склады, что у Нижегородского вокзала. Их хозяин, господин Конюхов, просил проводить.

— Что там может быть необычного?

— Говорит, что в одном из ангаров нечисть завелась, шумит по ночам, шуршит, рабочие туда заходить опасаются.

— Крайне интересно. — улыбнулась Анна, — Неужели какой-то кобольд завелся?

— Рудник? — Фёдор сделал ударение на первый слог. — Маловероятно, они от шахты далеко не отходят. Надеюсь, что просто ночному сторожу что-то в шуме ветра в печной трубе почудилось.

— Мне можно будет пойти с вами?

— Да, если это окажется шум в трубе.

Анна обладала удивительной особенностью, она умела одновременно спрашивать, внимательно и с искренним интересом слушать ответы и при этом, не отрываясь от разговора, быстрым мелким почерком заполнять страницу за страницей в своем блокнотике. Разговор зашел про «Фабрику волшебства».

— Но ведь заговоры можно прочитать над любой вещью, — сказала Анна.

— Все верно, — согласился Фёдор, — но тут как с краской: какая-то хорошо красит дерево, а нанеси на металл — и можно ее соскрести ногтем. Мы на «Фабрике» знаем и про материалы, и про цвета и много еще каких тонкостей, который нужно учитывать, чтобы вещи становились по-настоящему волшебными.

— И они все работают! — с восхищением улыбнулась Анна.

— Да. Какие-то сразу, как, например, эти очки, — он достал из внутреннего кармана круглые очки, у которых левое стекло было сделано из горного хрусталя. Надев их, он повернулся и встретился взглядом с домовым, который, пройдя через стену из кухни, внимательно слушал их разговор. Фёдор машинально кивнул, приветствуя его. Анна посмотрела в том же направлении и тоже кивнула, глядя на домового, но не пользуясь очками. Фёдор мысленно отметил это и продолжил: — А бывают случаи персональные, и тогда для определенного эффекта мы наши артефакты настраиваем на их владельца. Ну вы понимаете — когда нужно указывать имя, число рождения и прочую фокусирующую информацию.

— Немного понимаю, — кивнула Анна.

Разговор шел легко, на дружеской волне, и они продолжили общаться, даже сидя в пролетке извозчика, едущей к угольным складам. Однако выйдя из нее, Анна сразу заметила изменение в поведении Фёдора. Он напрягся, стал говорить короткими фразами и перед тем, как войти в открытые ворота складов, достал из внутреннего кармана и повесил себе на шею какой-то серебряный амулет с клыком.

На территории оказалось пустынно. Не было охранника у ворот, им не встретились идущие по своим делам рабочие, машины и транспортеры стояли — и только из-за угла доносился какой-то многоголосый гул.

Завернув за угол здания, Фёдор с Анной увидели собравшуюся возле одного из ангаров большую толпу рабочих, окружившую хозяина склада. Фёдор медленно прошел через толпу и обратился к коренастому бородатому мужчине:

— Здравствуйте, Сергей Петрович. Что-то случилось?

— Ну слава богу, вы пожаловали! Здравствуйте, — ворчливо поздоровался Конюхов, протягивая широкую, как лопата, ладонь. — Я уже за вами мальчишку-курьера послал.

Фёдор посмотрел на часы:

— Я вовремя.

— Да, это так, да только нечисть вас не дождалась и разгулялась. Камнями людей побила. Не до смерти, слава богу, но трое сильно пострадали.

— Спалить тут все надо! — раздался голос из толпы. — Огонь все очистит!

— Кто это тут такой умный? — зарычал Конюхов со злостью и повернулся к говорящему. — Меня по миру пустить хочешь, да и всех вас без работы оставить?!

— Ну не все же, а только этот ангар, — уже немного тише, пытаюсь успокоить взбешенного купца, проговорил рабочий.

— А ты, дурень, что делать будешь? Вокруг с ведрами бегать, чтоб на остальные ангары пламя не перекинулось, или сперва героем внутрь войдешь со свечкой, а? — Конюхов пошел в наступление на говорящего. — Молчишь? Правильно, ибо словами плевать большого ума не надо, да и не было его у тебя отродясь!

— Сергей Петрович, — Фёдор подошел и положил ему руку на плечо. — Дозвольте, я пойду посмотрю.

Он почувствовал, как плечи Конюхова расслабились и опустились. Повернувшись к Фёдору, купец сказал уже более спокойным тоном:

— Мне знающие люди рекомендовали вас, как хорошего ведундухоизгнателя. А вы кто, сударыня? — спросил он у девушки.

— Анна Герц, «Московские ведомости».

— Анна Петровна ко мне на беседу приехала, — быстро вмешался Фёдор. — Мы заговорились, и так получилось, что сюда вместе пришли.

— Вы и на склад вместе пойдете?

— Это исключено, — веско ответил Фёдор, посмотрев на Анну, а та неохотно кивнула.

— Ну хорошо, идите покажите, что умеете, — сказал Конюхов.

Толпа раздвинулась, пропуская Фёдора. Он поправил лямки своего ранца и пошел к угольному ангару с большой цифрой «3» на стене.

Анна вышла из толпы рабочих и отошла немного в сторону, откуда ей было лучше видно. Потом, почему-то немного испуганно оглядевшись, настроилась, перенесла взгляд в эфирный план и стала внимательно наблюдать за Фёдором. Он подошел к воротам ангара, присел перед ними на колени, что-то прошептал, перекрестился, потом поднес к губам свой амулет. Рядом с ним появилось туманное облачко, которое уплотнилось и приняло форму волка. Фёдор положил перед собой на землю блеснувший серебром диск. Протянув над ним раскрытую ладонь, на несколько минут замер. С такого расстояния слов не было слышно, но, судя по всему, он читал какой-то заговор. Наконец он выпрямился, отошел на шаг, а над диском появилась его призрачная копия. Фёдор подошел к ангару, потянул на себя створку ворот, приоткрывая проход, и посторонился, пропуская вперед свой фантом. Внутри с грохотом что-то обрушилось, из проема пыхнуло облако угольной пыли. Рабочие в отдалении зашумели. Фёдор подождал, когда пыль немного осядет, подхватил стоящую у двери лопату и вошел внутрь.

Фёдор перешагнул через груды угля, которая упала на его фантом, и встал около входа, давая глазам привыкнуть к полумраку. Освещение было выключено, и тусклый свет пробивался только через узкие вентиляционные окна под самой крышей ангара. В эфирном плане, видимом ему через левый окуляр очков, пока не происходило никаких движений. Он щелкнул пальцами и развеял свой фантом, столбом стоящий за его спиной по колено в угольной крошке, — в нем уже не было необходимости. У него мелькнула мысль, что сейчас самое время, как пишут в рассказах ужасов, чтобы дверь за спиной закрылась, — или медленно, с пронзительным скрежетом, или резко и с грохотом. Дверь оставалась неподвижной, однако тишины пустого пространства не было. В глубине ангара что-то шуршало, перекачивалось, вздыхало. Фёдор задумчиво посмотрел на лопату. Интересно, зачем она ему? Решение взять ее было интуитивным, мимодумным, однако он привык доверять и следовать Поток в своей работе. Он сделал несколько пружинящих движений, приводя тело в тонус, и медленно пошел в полумрак ангара.

— Что шумишь? Почему буянишь? — спросил он в темноту.

Он увидел какое-то быстрое движение и рефлекторно отмахнулся. Лопата с грохотом отбила кусок угля, вылетевший из темноты прямо в его голову.

— Мы как будем общаться, — дружелюбно спросил Фёдор, — по-божески или по Дарвину?

В ответ второй прилетевший кусок угля больно ударил его сзади по правой ноге.

Фёдор уронил лопату, упал на колено и сморщился, почесывая рукой место удара:

— Ну тогда по Дарвину... — прошипел он и скомандовал: — Честер! Взять!

Призрачный волк прыжком сорвался с места. Угольная пыль рядом с Фёдором взвилась смерчком, по ангару прошелестел поток ветра, в глубине его что-то грохнуло, взвыло — и в итоге хриплый голос взмолился:

— Волка... Отзови волка... — стонал призрак.

— Сейчас подготовлюсь, и отзову, — сказал Фёдор и, прихрамывая, пошел к небольшой ровной площадке между угольных куч в центре ангара. — Чес, води его сюда.

Он скинул на пол ранец, достал холщовый мешочек и стал аккуратно высыпать из него дорожку солью, нарисовав ей круг диаметром в пару метров. Встал рядом с ним, прошептал молитву и затем, раскинув руки, заговором активировал круг. Фёдор поправил очки, посмотрел, что соль засветилась слабым синеватым сиянием и от нее вверх поднялась светящаяся стена, и приказал:

— Войди в круг.

Потом он поправил ранец и, скрестив ноги, сел на него. Честер вышел из темноты и тоже сел рядом с ним по левую руку. Фёдор посмотрел на стоящего в центре круга призрака. Это был мужчина в рваной одежде, с всклокоченной бородой и спутанными волосами. Он, не поднимая головы, подошел к краю круга, положил ладони на светящуюся слабым светом стену и сказал:

— Ты круг неправильно сделал.

Фёдор хохотнул:

— А уж не оттого ли ты призраком стал, что всех вокруг поучать пытался?

Призрак насуплено посмотрел на него:

— Мне дочь читала. Гоголя. Там человек вокруг себя круг рисовал. А тут ты — снаружи.

— Это чтобы ты в меня камнями больше не швырялся, — Фёдор почесал место ушиба. — Давай поговорим. Тебя как звать?

— Митяем меня звали.

— Ну а я Фёдор. Что ты тут делаешь?

— В круге стою, с тобой лясы точу, — злобно сверкнув глазами, ответил призрак Митяя.

Фёдор покачал головой:

— Вот ты мне грубишь, а я тебе помочь могу. Послушай, выхода у нас с тобой сейчас два. Или мы вместе разбираемся с тем, что не дает твоей душе до конца уйти, и я помогу отойти ей с миром, или я тебя отсюда изгоню. И в этом случае ты не только Гоголя вспомнишь, но и Вия увидишь.

Призрак стоял молча и злобно смотрел на Фёдора.

— Что ты выберешь? — спросил молодой маг.

— Он мне на ногу наступил! — внезапно вскричал призрачный Митяй.

— На какую ногу? — удивленно спросил Фёдор.

— На правую, — его собеседник махнул рукой в глубину ангара. — Вон, белеется.

Фёдор встал, и подошел к указанному месту. Из кучи угля торчала часть ноги скелета. Он вернулся к кругу:

— Так. Соберись. И давай по порядку, с самого конца. Ты помнишь, как ты умер?

Призрак опустил плечи:

— Я тогда в забое работал, и когда крепь трещать начала, мы молотки бросили и сразу побежали. Я споткнулся о шланг и упал. Двое через меня перепрыгнули и убежали, а потом меня и накрыло. — Он помолчал и внезапно спросил: — Какой сейчас год?

— Восемьдесят девятый. Осень.

— Три года, значит, прошло, а для меня — вечность. Ты можешь понять, когда вечность ничего не происходит?

— Я даже представить это боюсь, — ответил Фёдор.

— Вот! А потом я вижу поезд, он куда-то едет, а меня за ним как на привязи тянет. А потом этот сарай — и люди, что ходят и все что-то копают. Я три дня пытался поговорить, позвать, кричал им! — заорал призрак, потом сел на пол и опустил голову. — А они все своими делами заняты. А потом вижу, тут уголь осыпался, и моя нога белеется, и этот дурак слепощарый по ней тачкой проехал. Я прям голову от злости потерял, схватил кусок и в спину ему и кинул. И получилось! Ну, думаю, вот теперь вы меня и заметите.

— Они заметили. Когда я пришел, хотели весь этот ангар угольный сжечь.

— Поможет?

— Нет.

— А что поможет?

— Для начала нужно будет кости твои собрать и похоронить. Заупокойную отслужить, за раба Божьего Дмитрия.

— Да, я знаю, где они все лежат. И всё?

— Нет. Нужно понять, что твою душу здесь держит. Ты о чем перед смертью думал?

— Я не думал, я бежал. Ну и матерился в голос.

— Вспоминай, — сказал Фёдор с нажимом.

Митяй сел на землю и взъерошил волосы, а затем тихим голосом сказал:

— Когда потолок падать стал, я про Олеську вспомнил. Как вспышка пришел ее образ... и тоска, что я на ее свадьбе не погуляю. И так захотелось все же там быть! На миг. А потом все разом погасло.

— Дочка твоя?

— Да, старшенькая.

— Ну со свадьбой... — начал Фёдор, но Митяй его перебил:

— Да я понимаю, не дурак! — крикнул он и взвыл. Призрачный вой разнесся по всему ангару, у двери кто-то испуганно охнул и послышался удаляющийся топот.

— Я тебе вот что предложу, — мягко сказал Фёдор. — Мы кости похороним, а ты мне адрес скажешь, и я письмо напишу твоей жене и Олесе. И когда они приедут, то я их на вокзале встречу и на кладбище провожу. И тогда ты попрощаешься и сможешь уйти.

— А если не приедут? Билеты, то да се, да и не то, чтобы мы с Шуркой дружно жили. Лаялись напропалую.

— Это когда жили. К мертвым другое отношение. А на билеты я им деньги перешлю.

Призрак Митяя сидел, понутив голову:

— Ты не врешь, я это знаю. Зачем тебе это?

— Затем, что это по-божески.

Оба сидели молча. Вдруг Митяй поднял голову и заорал:

— Ты что делаешь, псина драная?!

Фёдор оглянулся и увидел, как Честер сидит с независимым видом и смотрит куда-то в сторону и вверх, а между лап у него лежит треснувший человеческий череп. Фёдор повернулся к призраку:

— Митяй, нам нужно все кости собрать. Один я это месяц делать буду. Если я тебя из круга выпущу, ты мне поможешь? Шалить не будешь?

— А волк твой будет помогать?

Фёдор задумался.

— Ты, когда тебе на кость тачкой наехали, двоим головы пробил и одному ногу сломал. Что будешь делать, когда мой волк твою руку в пасти принесет?

— Ну он же не будет ее грызть? — мрачно спросил Митяй.

— Точно не будет.

— Тогда пусть тоже работает. Снимай свою загородку.

В ангаре зашумело, угольные горы то тут, то там вздыхали, шелестели осыпями. Фёдор ходил с лопатой, собирал сползающие вниз кости и их части и складывал внутри пустого соляного круга. Честер не удержался и щелкнул зубами над лежащей на земле кистью с тремя оставшимися пальцами. Увидев это, Митяй нахмурился, посмотрел на волка матом, но промолчал. После того, как призрак подтвердил, что все собрано, Фёдор пошел к воротам.

Анна стояла рядом с Конюховым, окруженная возбужденными рабочими. Наконец к ним подбежал один смельчак, что подсматривал в приоткрытые ворота. Рабочие зашумели:

— Что там?.. Что?.. Что он делает?..

— Уголь копает, да так, что пыль столбом стоит.

— Призрак шахтера в него вселился! Вот те крест, батюшку звать надо и керосину принести пару ведер!

— Тихо там! — рявкнул Конюхов. — Молча стой, а не хочешь — бери лопату и иди помогать ему.

Фёдор вышел из склада. Собравшаяся напротив входа толпа отшатнулась и затихла. Он огляделся, подошел к тачке, забытой кем-то недалеко от ворот ангара, и покатиł ее внутрь.

Наконец он вышел, толкая пред собой тачку, в которой что-то лежало, накрытое куском брезента. Рабочие с опаской пошли ему навстречу.

Фёдор остановился и спросил у подошедшего Конюхова:

— Уголь из Енакиево?

— Да, из Александровской шахты.

Фёдор откинул брезент, рабочие ахнули, отшатнулись и потянулись снимать с голов шапки.

— Его в шахте завалило. Когда же через несколько лет забой тот откопали, то, видимо, не заметили в угле его останки и сюда их привезли. А неупокоенный дух раба Божьего Дмитрия следом полетел. — Фёдор повернулся к купцу: — Сергей Петрович, распорядитесь, пожалуйста, транспорт выделить. В церковь отвезем, заупокойную закажем, а потом и похороним.

— Все сделаем. — Конюхов кивнул. — А вы пока в баню нашу сходите, помойтесь после смены.

Он выделил в толпе одного человека и приказал:

— Федька, проводи Фёдора Алексеевича и помоги ему.

* * *

Фёдор стоял рядом со свежей могилой. Рядом с ним была Анна, которая настояла на том, что должна увидеть продолжение этой истории. Накрапывал мелкий осенний дождик. Фёдор протер запотевшие стекла очков и посмотрел на призрака, висящего в воздухе перед ним, рядом с простым деревянным крестом.

— Тут тебе будет покойнее, Митяй. Письмо, — он похлопал по груди, где во внутреннем кармане лежал почтовый конверт, — я сегодня отправлю. Сразу после кладбища на почту зайду.

Митяй о чем-то заговорил, но Фёдор, грустно улыбнувшись, поднял руку, прерывая его:

— На кладбище твоих сил не будет что-то двигать или вслух говорить. А эфирно я слышать не умею.

— Я умею, — тихо сказала Анна. — Он говорит, что будет ждать... и что тут ему легче стало, ушло то чувство, будто его постоянно пыль угольная колет и злостью жжется.

— Вот и славно. Немного подождать осталось. Явно меньше той вечности, о которой ты рассказывал.

— «И тебе спасибо, добрый человек», — эхом повторила Анна за призраком. Потом, наклонившись, положила на могилу небольшой букетик и прошептала уже от себя: — Покойся с миром.